

Глава 14. Имя такое: Надежда.

— Гоша, да ты молодец!

Парень поднял голову, не веря: его похвалили!

Надежда Алгысовна ещё раз просмотрела решение и тут же, на парте, подчеркнула страницу красным карандашом, вывела жирную пятёрку.

— Молодец!

Не подавая виду, что замечает ликование вокруг пятёрки Кудайсова, учительница отвернулась к тёмному окну. Как немного человеку нужно в молодости!

— Всё, ребята, на этом кончим. Следующие дополнительные занятия в понедельник.

Потом она долго сидела в пустой учительской. Где-то в дальнем классе шло заседание праздничной комиссии во главе с Аласовым — близятся ноябрьские торжества.

Да, перед этим Гошей она виновата — пусть пятёрка зачтётся во искупление вины. Она обошлась тогда с ним грубо, а у парня несчастная, говорят, семья. Не избежать Тимиру объяснений в роно, пришлось бы ему изворачиваться, выгораживать жену, но, слава богу, обошлось: ребята, извинившись, приняли вину на себя.

Тима говорит, что заслуга тут Аласова, подобное чудо с дерзким классом мог совершить только настоящий педагог. А ей так хотелось сказать мужу: ещё бы, разве он может быть другим, мой Сэргэйчик! Она-то знает: это ради неё Сергей заставил смутьянов прийти в учительскую! Её спасая!

Гулко хлопнула дверь, Надежда вздрогнула, подобралась. По коридору кто-то прошёл. Не он. Подождём ещё...

Что и говорить, первая встреча с Сергеем была как ушат ледяной воды на голову — такое убийственное для женской гордости невнимание! Удивительно ли, что с постели она поднималась больной, измученной ночными мыслями. Развинулась, растерялась...

Успокоишь себя с трудом, но стоит утром встретить Аласова, или эту заносчивую Майю, или Стёпу Хастаеву, вслух мечтающую окрутить холостяка, достаточно малейшего толчка, чтобы опять всё поднялось... Да неужели же не осталось в нём и капельки прошлого чувства? Как те якутские её сородичи на севере, что в полярной ночи с тоской ловят на чёрном горизонте малейший отблеск света, так и она исподволь следила за Аласовым: неужели ничего?

Однажды перед стареньким трюмо в учительской она поправляла причёску и вдруг увидела в зеркале обращённые к ней глаза. Прочла в них без слов: какая Надежда всё ещё красивая! Какие у неё губы, брови, грудь. Эти губы он когда-то целовал... Да-да, именно это было в его взгляде! У неё даже голова

закружилась на мгновение, она смежила веки, а когда открыла — в зеркале уже никого не было. Но с неё было достаточно и такой малости, теперь она твёрдо знала: нет, он ничего не забыл. Он помнит мои губы, он помнит всё...

Чем больше она наблюдала за ним, тем больше узнавала прежнего Сэргэйчика: вот этот жест, этот смех... Одной ей это принадлежало — никому больше! Пусть жизнь на время развела их, и тем не менее они оба помнят.

После открытия у зеркала появилось чувство, словно между ними произошло что-то необыкновенное, словно состоялся решающий разговор, которого она (что обманывать себя!) ждала с первого дня. Один только взгляд — больше ей ничего не надо. И снова вернулось душевное равновесие, захотелось быть лучше в его глазах, умнее, добрее.

Он заставил десятиклассников извиниться перед ней, и это был словно сигнал от него: он думает о своей Надежде, дорожит её добрым именем!

На днях Аласов подошёл к ней:

— Нельзя ли для моих десятиклассников организовать дополнительные занятия по математике?

— Ну конечно же! — не дав себе подумать, воскликнула она. — Конечно, Сергей... Эргисович!

— Спасибо, Надежда Алгысовна.

И коснулся её руки.

Он ушёл (зазвенел звонок), а она ещё стояла у окна, всё не убирала руку с подоконника, всё не хотела, чтобы ушло тепло его прикосновения.

А дальше пошла сказка о рыбаке и рыбке. Уж не хочет быть она столбовой дворянкой... Одного взгляда, одного прикосновения руки ей уже мало! Представилось: доведись им встретиться наедине, не на перемене, а где-то спокойно и укромно — какие бы слова она от него услышала! Недаром родители выбрали ей это имя — Надежда...

Однако благоприятного момента не выпадало. И тогда она сказала себе: лисица, которая долго ждёт бурундука с дерева, на всю жизнь остаётся остромордой... Не ждать, а самой надо ковать своё счастье! В праздничную комиссию из преподавателей входит только Аласов. После заседания он зайдёт в учительскую.

Топот ног по коридору. У самой двери остановились. Голос Сергея — о чём-то ещё там они не договорили... Боже, как они долго! Ага, ребята прощаются.

— Надежда Алгысовна, что так поздно?

— Да вот, дополнительные занятия... Как это в армии говорят: ваше приказание исполнено...

— «Выполнено».

— Так точно. Кстати, могу поздравить, Сергей Эргисович: ваш Кудайсов сегодня честно заработал первую в жизни пятёрку по математике.

— Пятёрка! Надежда Алгысовна, я рад. И за вас рад, и за парня.

Такая радость на лице! Смешно думать, что от мальчишеской пятёрки. «Я за вас рад». Боже мой, но почему же я молчу? Надо задержать его разговором, он ведь уже снял с вешалки шляпу.

— Сергей Эргисович... — Пальцы её нервно щёлкали замком портфеля. — Сергей Эргисович, а мне, знаете, вспомнилось... Вон видите дерево?

— Лиственница.

— Ничего она вам не напоминает? Ну да, вы, конечно, уже сто раз успели позабыть... А вот некоторые помнят и до сих пор. Тринадцатилетняя девчонка, страшно глупая, хочет обратить на себя внимание кое-кого. И ничего лучше не придумывает, как взобраться на дерево, на виду всей школы. Туда забралась, а назад никак, ужас в глазёнках... И тогда самый ловкий лезет на лиственницу и возвращает эту дурёху на землю...

— Ну как же, помню! Девочка так обхватила его шею, что едва не задушила спасителя. А когда спустились, она ему в благодарность, ещё и в волосы вцепилась... Хорошо помню.

— А я и на час не забывала. Вечер после кино... Одна варежка на двоих... Так давно, так давно! Вот и лиственница с тех пор почернела.

— Но ведь зима, Надежда Алгысовна. А по весне, надо думать, опять зазеленеет. Если хотите знать, Надя...

Что она слышит! «Надя»...

— Сергей!

Но тут дверь в учительскую распахнулась. На пороге стоял Фёдор Баглаевич, как ключник, увешанный ключами.

— А-а! Тут ещё живые души, оказывается... Что, Серёжа, отзаседались? А вы, Надежда Алгысовна, всё со своими неучами возитесь?

— Дополнительные занятия, — едва выдавила из себя Надежда Алгысовна, глядя в одутловатое лицо директора.

— Так-так, молодцы, молодцы... Сейчас только оденусь, и вместе пойдём. Что-то я в темноте видеть стал худо.

— Надюшка, дорогая! Последнее время ты совсем как наша якутская весна, — изволил пошутить за ужином Тимир Иванович. — С утра метёт, в обед травка зеленеет. Ни с того ни с сего вернулась радостной, будто по лотерее выиграла.

— А я и вправду выиграла!

— «Волгу»?

— Чутьочку счастья выиграла.

— Я предпочёл бы «Волгу»!

Она проверила тетради и продолжала сидеть просто так, рисовала на листке цветочки и лица.

А муж всё не спит. Дождается...

Делать нечего, она собрала портфель, проведала детей, стала медленно раздеваться. Может, всё-таки он уснул?

Осторожно отвернула одеяло, прилегла с краю, стараясь не дышать. Как бы не так! Через минуту рука его медленно, словно сама собой, поползла по шёлку. Надежда подумала с тоской: вот, началось. Сейчас он поцелует меня в шею, потом повернёт к себе. Как по нотам разыгрывается — все двадцать лет.

— Спи... Тима.

— Да ведь не поздно.

— Устала я.

— Вот-вот — два дополнительных на одной неделе! Совсем себя не жалеешь. И меня не жалеешь...

— Давай спать.

— Может, я обидел тебя? Ну ладно, спи. Спи, пташечка моя. Просыпайся утром весёлой.

«Тут он поцелует меня в плечо», — подумала Надежда. И точно — он приложил к её плечу губы, откинулся навзничь и через минуту уже похрапывал. Счастливый человек!

Она осталась одна. Одна со своими счастливыми и грешными мыслями, со своей памятью, хранившей каждое его словцо, каждый жест. Расцветет, сказал. Придёт весна, и снова расцветёт то, что кажется погибшим навек. «Если хотите знать, Надя...»

Боготрошный этот Кубаров, сам чёрт его подгадал именно в такой момент! «Если хотите знать, Надя...» Что знать, Серёжа? Да, я хочу знать, я очень хочу! Что тебе не дали досказать?

Другим не понять: почему мужчина-красавец в холостяках? Почему он вернулся в Арылах? Сергей из особой породы — верных, вечных. Если даже Майка столько лет бережёт в душе своего Сеню, давно погибшего, то почему бы и Сергею все годы не беречь их любовь? Ведь она-то не погибшая, она живая, горячая! И вот они снова рядом, стоит только протянуть руку.

Да, она вышла замуж, не дождалась его. Но все годы она жила только им одним. Придёт весна, и зазеленеет...

Постой-погоди, словно сказал ей другой, трезвый голос. Погоди, мечтательница! Ты о детях своих подумала? А учительская твоя репутация? А эти честные твои, незапятнанные годы, целая жизнь, прожитая с мужем? Можно ли лежать рядом с ним и нежить в мыслях другого!

Она опасливо отодвинулась. Только что он униженно просил её о ласке, а она оттолкнула его...

Надежда крепко обняла мужа.

— Ы-ы... — замычал тот сквозь сон. И повернулся спиной к жене.